ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
РОССИЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ НАУЧНЫЙ ФОНД

Дефиниции культуры

Выпуск VII

Издательство Томского университета
2007

http://www.lib.tsu.ru/

ГУСТАВ ШПЕТ О «НЕВЕГЛАСИИ» [1]

Э.В. Бурмакин

Слово невегласие не поддаётся мгновенному пониманию. Хотя, конечно, указание на нечто отрицательное, подлежащее осуждению, улавливается тотчас. Так же, как и двусоставность этого слова, в котором присутствует часть от, к примеру, «неведения» и вторая часть – от «негласия», или, наоборот, от «гласия», то есть неведения, получившего гласность, или даже провозглашённого неведения.

Многое разъясняет обращение к словарю В. Даля. Читаем: «**Невеглас** — невежда, неучёный, несведущий, невежа, неуч. **Невегласье** — невежество, незнание дела, неучёность». Видимо, следует учесть и то, что В. Даль различает невежду, которого он определяет как «неучёный, необразованный ученьем, книжным знанием, непросвещённый человек», от невежественного – «тёмный, природный, хотя, может быть, умный и доброжелательный». Это последнее понимание особенно важно, когда речь заходит о положении такой личности в структуре отечественной культуры.

Все эти смыслы слова невегласие нетрудно обнаружить в работе Г. Шпета «Очерк развития русской философии» [1], но Шпет видит в этом слове значительно больше, оно вырастает у него до уровня поня-

[1] Густав Густавович Шпет (1879–1937) – выдающийся русский философ, автор многочисленных и замечательных трудов («Явление и смысл», «Эстетические фрагменты», «Язык и смысл» и др.). После Октябрьской революции – директор основанного им Института научной философии, член комитета по реформе высшей и средней школы, постоянный член художественного совета МХАТ, участник Московского лингвистического кружка, преподавал в Институте слова, в Военно-педагогической академии РККА, в 1932 г. был назначен проректором создававшейся К.С. Станиславским Академии высшего актёрского мастерства. В 1935 г. арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности, сослан в Енисейск, а затем, в ноябре 1935 г., переведён в Томск. 27 октября 1937 г. он был вторично арестован в Томске, приговорён «тройкой» к 10 годам без права переписки, но, как утверждают некоторые биографы Шпета, был расстрелян. В справке Томского областного суда, выданной в 1956 г., указано: «Уголовное дело в отношении Шпета Густава Густавовича, осуждённого 9.XI.37 г. Президиумом Томского областного суда от 19 января прекращено за недоказанностью состава преступления».

http://www.lib.tsu.ru/

тия, приобретающего актуальность при анализе состояния современной отечественной культуры.

Первое значение понятия «невегласие», которое раскрывает Г. Шпет, – это невежество. Примечательно начало его «Очерка...»: «Говоря о периодах русской истории, проф. Е. Голубинский замечает: «Периоды Киевский и Московский собственно представляют собою одно целое, характеризуемое отсутствием действительного просвещения, которого мы не усвоили с принятием христианства и без которого оставались до самого Петра Великого» [1. С. 20].

Шпет справедливо замечает, что Россия «стала христианскою, но без античной традиции и без исторического культуропреемства» [1. С. 28]. Он приводит тому многочисленные свидетельства, и в том числе – иностранного свидетеля и участника Смуты Маржерета: «Русский народ оставался благочестивым, но невежественным. Таково невежество русского народа, что не найдётся и трети, которая знала бы «Отче наш» и «Верую во единого». Можно сказать, что невежество народа есть мать его благочестия; он ненавидит науки и особенно язык латинский; не знает ни школ, ни университетов. Одни священники наставляют юношество чтению и письму, чем немногие, впрочем, занимаются» [1. С. 24]. При этом невежества вовсе не стеснялись, а открыто, чуть ли не с гордостью в нём признавались: «...старец Елизарова монастыря похвалялся: «Аз – сельский человек, учился буквам, а елинских борзостей не текох, а риторских астроном не читах, ни с мудрыми философы в беседе не бывал, – учюся книгам благодатного закона, аще бы мощно моя грешная душа очистити от греха». Это – просвещённый представитель века, в нём «уничижение паче гордости». А современная ему непритязательная приходская паства формулировала просветительные итоги восточного православия прямее и общее: «земля, господин, такова: не можем найти, кто бы горазд был грамоте» [1. С. 29].

Такова печальная действительность. И не один Шпет писал об этом. Великие классики русской литературы с сердечной болью писали о том же. Один из героев «Губернских очерков» Салтыкова-Щедрина, весьма образованный помещик, любящий вставлять в свою речь французские фразы, считает, «что грамотность ещё не пришлась по нашему желудку», он считает, что распространение грамотности «ведёт только к тому, чтобы породить целые легионы ябедников и мироедов» [2. С. 299]. Так называемые просвещённые круги тоже отличались махровым невежеством, что, в частности, проявлялось даже в их философских рассуждениях, и это позволяет Шпету говорить о философском невегласии; он говорит об этом в связи с рассуждениями архиепископа Феофилакта о философии Фесслера: «Замечания Феофилакта на конспект

http://www.lib.tsu.ru/

Фесслера — яркий показатель того философского невегласия, в котором пребывает даже высшее русское духовенство» [1. С. 171].

Кажется, что за этими фактами стоит нечто большее, чем действительное невежество, непросвещённость, непонимание, тупость, кажется, что за этим стоит некоторый государственный интерес. Вот что пишет Г. Шпет: «Наш общественный и государственный порядок всегда был основан на невежестве. Создавалась традиция невежества. Наша история есть организация природного, стихийного русского невежества. Наше общество и государство никогда не могли преодолеть внутреннего страха перед образованностью. Отдельные лица кричали об образовании, угрожали гибелью, рыдали, умоляли, но общество в целом и государство пребывали в невежестве и оставались равнодушными ко всем этим воплям. Страх перед «неизвестностью культуры» делал их глухими и непонимающими» [1. С. 261].

Страх перед «неизвестностью культуры» – вот что особо актуально во все времена, вот что составляет важнейший смысл понятия «невегласие».

«Невегласие есть та почва, на которой произрастала русская философия» [1. С. 49]. Тут, очевидно, следует ещё добавить, что в России невежество сочеталось с безнравственностью. Шпет замечает, что в московском варварстве «господствовала, по злому выражению преосвященного Макария, «почти совершенная безнравственность» [1. С. 23].

Между тем именно через богословие впервые проникает в Россию философия: «Впервые философия проникает к нам, хотя и в скромной, на Западе отжитой, служанки богословия. Большего русский Восток в то время не мог бы вместить. Само возникновение наукообразного богословия уже должно считаться свежим веянием в душном тумане всеобщего невегласия» [1. С. 24].

Итак, «в общем итоге московской истории получилось, что всю культуру, а потому и философию и науку России» [1. С. 30], черпали на Западе, причём не из лучших источников: «не из эллинских и римских». «Поэтому, когда созрело время для рождения русской культуры, пришлось русскому народу отсутствовавшее у него слово заимствовать у тех, кто от предков не отрекался, соблазна их не страшился и буквою не прикрывал своей духовной наготы. Ещё раз чужой язык стал посредником между источником духа и русскою душою. Россия начала свою культуру с немецких переводов. И это есть новая Россия — Россия Петра — вторая Россия» [1. С. 30].

В этот период происходит европеизация России, богословие занимает полагаемое ему место, наука становится светской. Но Запад, «переводы с немецкого» принесли с собой традицию, которую Шпет пони-

http://www.lib.tsu.ru/

мает как одно из проявлений невежества, невегласия. «Нет ничего при этом удивительного, что сам Пётр и его ближайшие помощники ценят науку только по её утилитарному значению, — таково свойство ума малокультурного. Невежество поражается практическими успехами знания; полуобразованность восхваляет науку за её практические достижения и пропагандирует её как слугу жизни и человека» [1. С. 32].

Эти обстоятельства вызывают особые возражения у Шпета, за ними стоит не только невегласие, но и неспособность к творчеству, путь к которому закрывается тотчас, как только науку начинают оценивать по мере применимости её достижений на практике. «Исключительно утилитарное отношение к культурному творчеству проистекает из варварского непонимания того, что такое наука, искусство, философия, или из органической неспособности к свободному творчеству, из бездарности. И в том и в другом случае просто отсутствует потребность творчества, бездействует творческий орган» [1. С. 45].

Так называется ещё одно обстоятельство, актуальность которого не вызывает сомнений. Нынешние преобразования в организации науки и образования в России явно указывают на то, что от науки прежде всего требуют практической отдачи, науку оценивают утилитаристски, как иначе понимать намерение выделять некие приоритетные направления в академической науке, которые государство и намерено поддерживать; это и есть проявление «варварского непонимания того, что такое наука, искусство, философия».

То же самое происходит и в сфере образования, когда уже и не ставятся цели формирования творческой личности, вооружённой и знаниями, и ценностными убеждениями; требуется лишь узкий специалист, сугубо ориентированный на конкретную область производительной деятельности. И сегодня оказываются бесполезными вопли и плач людей, понимающих, что такой подход к науке и образованию губителен.

Примеры можно почерпнуть практически в любом из современных СМИ. Вот почти произвольно выбранные цитаты из статьи доцента Московского института стали и сплавов Т. Костылевой, опубликованной в «Литературной газете» (2006. 7–13 июня). Прежде всего, она справедливо связывает происходящие реформы с некоторыми особенностями нашей экономики: «Сырьевой характер экономики приведёт либо к ликвидации высшего образования, либо к деградации его до уровня техникума для обеспечения функциональных нужд местного значения». Да, это так! Это есть логическое завершение утилитарного подхода к целям и задачам образования. И далее: «Смысл сегодняшних российских образовательных реформ сводится к пяти пунктам: упростить, облегчить, сократить, по выбору, за плату. А методологической базой реформиро-

http://www.lib.tsu.ru/

вания является американский бихевиоризм — методики дрессировки и тестирования знаний, а также эмпирический, сенсуалистский позитивизм от Г. Спенсера до К. Поппера».

Кажется, вовсе не прошли столетия с того времени, о котором писал Г. Шпет; опять заимствование чужого и вовсе не лучшего опыта.

Г. Шпет продолжает настаивать на губительности утилитарного подхода к науке, к культуре: «...утилитарное отношение к знанию обличает некоторую примитивность культуры и духа. Оно необходимо исчезает вместе с развитием их. А развитие их есть преодоление варварского невегласия. Но когда невегласие выступает как характер народа и истории, когда оно навязывается историческому наблюдателю как существенный признак национальной истории, когда сам утилитаризм — не сменяющаяся реакция, а производный признак этого существенного, тогда над соответствующей историей в глазах наблюдателя нависает какая-то угроза. Нация — перед лицом фатальной беды, она кажется обречённой на «бескультурность». Такая-то нация и мечется перед собственной проблемой, как перед угрожающей бедою. Со стороны Россия представляется в таком положении. Её интеллигенция — её репрезентант и воплощение — не дошла до над-утилитарного понимания творчества» [1. С. 50].

Конечно, искусство – наиболее творческая область человеческой деятельности, и Г. Шпет обращается к русской литературе, чтобы продемонстрировать бессмысленность утилитарного подхода к ней, в этом случае он говорит о бесполезности литературы. Приведя известные строки В. Жуковского: «Мы рождены для вдохновенья, для звуков сладких и молитв», он пишет далее: «В одном отношении, однако, Жуковский, по-видимому, сыграл значительнейшую роль. В большей степени, чем Карамзин, он подготовлял литературу нашу к сознанию её бесполезности. Как бы не казалось это качество духовной культуры внешним, до него надо дожить. Без принятия его ни один народ ещё не доходил до стадии образованности; и тот народ тотчас впадал в рецидив некультурности, который терял понимание полной бесполезности развития духа. Есть ли, кроме русской, другая история, которая так определялась бы борьбою вокруг этого свойства культуры?» [1. С. 318].

И здесь, наконец, совпали объективные интересы русского литературного и философского творчества, по крайней мере, с одним из направлений западной философии. «Философия, которую немецкие романтики считали своею и на основании которой они строили свои эстетические оценки, наиболее подходила для момента нашего поэтического самосознания. Она внушала мысль о самоцели и самоценности поэзии и творчества, она научала видеть в ней не средство к достижению

http://www.lib.tsu.ru/

морального или иного благополучия, а необходимое осуществление идеи. Но для этого и требовалось, чтобы поэзия как деятельность духа была переведена из состояния смутного бессознательного удовлетворения творческого влечения в стадию сознательного выполнения поэтом своего назначения. «Романтизм», таким образом, превращался из чувства в философскую задачу, в радикальном решении которой рассеивалась сумеречность спонтанного переживания» [1. С. 319].

Итак, литература, искусство в целом должны быть свободны от всякого утилитаризма, и в истинной своей ипостаси они действительно свободны от него, что в свою очередь определяет степень способности художника выполнить своё предназначение. Тут сходятся объективные потребности искусства с интересами науки и философии. И связующим звеном в этом случае становится эстетика как философская дисциплина, познающая искусство, но не замыкающаяся только на его проблемах, что представляется, на наш взгляд, чрезвычайно важным в современных условиях, когда нередко принижается роль эстетики в познавательном и образовательном процессах или когда её предмет сужается до решения опять-таки сугубо утилитарных задач. Вот что писал Г. Шпет: «Вопреки скептикам и в разуме отчаявшимся, именно эстетика у нас оставалась убежищем и хранительницею если не философии, то, по крайней мере, философской идеи. Через эстетику философия у нас продолжала ещё дышать и надеяться» [1. С. 312].

Когда Шпет говорил об исторической обусловленности русского невегласия, не позволявшего ни усвоить творчески западную философию, ни развить свою собственную, он не имел в виду некую врождённую неспособность русских к такой духовной деятельности. Наоборот, он пишет: «Не природная тупость русского в философии, ...не отсутствие живых творческих сил, как свидетельствует вся русская литература, не недостаток чутья, как доказывает всё русское искусство, не неспособность к научному аскетизму и самопожертвованию, как раскрывает нам история русской науки, а исключительно невежество не позволяло русскому духу углубить в себе до всеобщего сознания европейскую философскую рефлексию» [1. С. 49].

В данном случае, пожалуй, уместно вспомнить предложенное Далем ещё одно значение слова невежественный – тёмный, природный, хотя, может быть, умный и доброжелательный. Кажется, именно этот смысл вкладывал Шпет в понятие «невежество», которое не позволило русским подняться до уровня европейского философского сознания, хотя все, так сказать, природные данные вовсе этому не препятствовали.

http://www.lib.tsu.ru/

Далее он говорит об особой исторической миссии России: «Россия не просто в будущем, но в будущем вселенском. Задачи её всемирные, и она сама для себя — мировая задача» [1. С. 53]. Тут можно прочитать известные русской философии мысли о том, что Россия есть некая срединная цивилизация, поскольку она вбирает в свой менталитет особенности многих других культур. И объясняется это специфическими чертами русского духа: «Тут и специфическая национальная психология: самоедство, ответственность перед призраком будущих поколений, иллюзионизм, вызываемый видением нерождённых судей, неумение и нелюбовь жить в настоящем, суетливое беспокойство о вечном, мечта о покое и счастье, непременно всеобщем, а отсюда — самовлюблённость, безответственность перед культурою, кичливое уничижение учителей и разнузданно-добродушная уверенность в превосходной широте, размахе, полноте, доброте «души» и «сердца» русского человека, в приятной невоспитанности, воображающего, что дисциплина ума и поведения есть узость, «сухость» и односторонность» [1. С. 53].

Пожалуй, стоит лишь восхититься способности Г. Шпета в столь кратком перечне действительно назвать важнейшие черты русского менталитета; думается, что сама эта способность объясняется усвоенной мудростью, которой напитаны русская литература, искусство и состоявшаяся философия. И, как нам представляется, эти размышления подтверждают предположение о смысле слова невежество, употреблённого Шпетом при объяснении причин, по которым русские не могли освоить всю высоту западной философии; оно совпадает со смыслом, предложенным Далем при объяснении понятия «невежественный».

Актуальность приведённых выше размышлений Г. Шпета об особенностях русского менталитета подтверждается новейшими исследованиями современных философов. Показательна в этом отношении оригинальная монография Т.И. Сусловой. Вот что, в частности, пишет автор о понятии «серединная культура»: «Что же такое «серединная культура»? Это понятие было введено Н. Бердяевым и означает культуру, преодолевшую свой раскол, существование на полюсах. Это... культурная инновация, полученная в результате преодоления дуальности в культуре. Через поиск новой меры снятия её полюсов в осмысляемом предмете посредством творческого наращивания нового содержания культуры» [3. С. 24]. Т.И. Суслова утверждает, что универсализм «русской культуры изначально тяготеет к глобальным проблемам духа, установкам на возвышенное, вселенскость, соборность, на принципы человеколюбия и единения в сфере духовного совершенствования человека». И далее: «Отечественная культура традиционно опирается на те ценности, которые имеют статус общезначимых, глобальных, т.к. нахо-

http://www.lib.tsu.ru/

дят им подкрепление в смысловом поле своих культурных установок и традиций, своём опыте. Но... эта универсальность и общезначимость существенно и полярно противоположна заданной современным Западом массовой культуре. Вместе с тем русская культура, как никакая другая, с середины XIX века приобретает значимость для других культур и через свои универсальные параметры вносит вклад в глобальную культуру» [3. С. 9].

Итак, невегласие, во всём многообразии смыслов этого понятия, которое раскрыл Г. Шпет, во все исторические времена было главным препятствием в развитии русской философии и в целом культуры. Но оставалась одна её область, сохранявшая творческий потенциал, служившая неисчерпаемым резервом удовлетворения духовной жажды, — литература. Шпет писал: «Наше спонтанное творчество в эпоху формирования сознания неофициальной образованности и культуры прорвалось в таком невероятном явлении, как Пушкин. Едва-едва только теперь мы приходим к его осознанию. Достаточно, если современная ему мысль хотя бы «почувствовала» его, ибо в самом этом чувстве уже было непреодолимое побуждение к рефлексивной работе мысли» [1. С. 315]. И далее: «Европейской науки у нас не было, а литература образовывалась своя. Потому и рефлексия на неё должна быть своею. И она была, она искала в западной философии уже не объект, а только приём». [1. С. 316].

И сегодня именно литература способна противостоять невегласию, и как важно, чтобы в условиях процессов глобализации и разгула массовой культуры литература сохранила своё высшее предназначение.

Литература

1. *Шпет Г.Г.* Очерк развития русской философии // Соч. М., 1989. С. 11–342.
2. *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 1. М.: Правда, 1988.
3. *Суслова Т.И.* Эстетика перехода отечественной культуры в условиях глобализации. Томск, 2005.

http://www.lib.tsu.ru/